

*Самые великие шедевры революции —
это люди, которых она производит.*

РОМЕН РОЛЛАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
Starring / В главных ролях	21
Глава 1 Клуш.....	27
Глава 2 Аида	49
Глава 3 Литейная.....	73
Глава 4 Каретка	87
Глава 5 Валюта	109
Глава 6 Лапландия.....	127
Глава 7 Мавритания	139
Глава 8 Виток	177
Глава 9 Майор.....	205
Глава 10 Приданое	219
Глава 11 Шарнаш.....	241
Глава 12 Глициния.....	287
Глава 13 Омбудсмен	311

Глава 14	Луна.....	351
Глава 15	Господь сокрушает кедры	387
Эпилог.....		407
Источники.....		417
Краткая библиография		445
Благодарности		447

ПРОЛОГ

Есть известный анекдот*: перед первым полетом в космос NASA потратило 18 миллионов долларов на создание письменных принадлежностей, которые будут работать в условиях невесомости.

— А у вас что? — как-то спросили они своих русских противников, которых этот вопрос несколько ошарашил.

— А у нас простые карандаши, — ответили русские**[1].

Западная цивилизация предложила остальному миру много дорого экипированных, сексапильных и воплощающих демократические ценности супергероев — в диапазоне от Нила Армстронга до Люка Скайуокера. Всякий их маленький шаг непременно оказывался гигантским скачком для всего человечества, именно с ними пребывала Сила — и что бы они там себе ни произносили, хоть “Их бин айн берлинер”, хоть “Обожаю запах напалма по утрам”, никто не сомневался, что подразумевалось всегда одно и то же: “Я король мира!” Россия имела репутацию Мордора, производила на свет множество одиозных личностей, а вот со свободно конвертируемыми супергероями дела здесь обстояли далеко не блестяще. Был, в сущности, всего один — вечно рот до ушей,

* Настолько бородатый, что герой этой книги, сам заядлый анекдотчик, наверняка отрезал бы за него автору — он имел обыкновение так поступать — галстук до самого узла. — *Прим. автора здесь и далее, если не указано иного.*

** Цифры в скобках отсылают читателя к разделу “Источники” в конце книги.

автор куцега афоризма “Поехали!” — незнамо кто, невесть какой, неведомо куда; но, странное дело, именно он, живой и светящийся, оказался более популярным, чем “Битлз”, Мэрилин Монро и Че Гевара. Никакие “рейтинги”, “результаты опросов” и “данные о количестве проданных экземпляров” не могут передать глубины того “океана человеческого преклонения”, в который Юрий Алексеевич Гагарин погрузился после возвращения из космоса.

Простой карандаш. Та же идея.

Такой же очевидной и незатейливой, как простой карандаш, кажется история жизни “Колумба Вселенной”. Вытянул счастливый билет — слетал — стал героем.

Общераспространенное представление о Гагарине сформировано советской пропагандой — манипуляционной системой, печально известной своими успехами в деле искажения информации. Образ Гагарина был имплантирован в наше сознание в виде огромного бронзового монумента кому-то, кто является идеальным образцом национального характера и воплощением всех мыслимых советских мужских добродетелей. Со временем — и в силу известных исторических событий — памятник малость подрастерял свою былую привлекательность; кое-какие изречения на постаменте кажутся сегодня слишком наивными, кое-какие — чересчур патетическими; кроме того, мы видим, что голова и плечи статуи сильно загажены интернет-голубями: прогуглите словосочетание “Юрий Гагарин”, и вас тотчас же известят, что обладатель этого имени — величайший за всю историю блеф СССР, что на самом деле он не летал в космос — ну или летал, но никоим образом не был первым. Пронзительное “знаете, каким он парнем был” переплавилось в ехидное “был тут один такой товарищ”. Жирную подпитку для самых диких слухов дают не только события 12 апреля 1961 года, но и последовавшая семь лет спустя загадочная — так и не получившая общепризнанного объяснения — смерть Гагарина.

Никакой окончательной версии того, кто или что стало причиной этой авиакатастрофы, нет — нет, соответственно, и общественного консенсуса. Что объединяет нацию — так это горечь из-за осознания упущенного в тот момент шанса — поэтому когда видишь на заборе граффити “Юра, мы все <прохлопали>, прости нас”, — то и фамилии-то для этого Юры не нужно, всем ясно, о ком — да и о чем тоже — речь. И даже

когда надпись выглядит как “Юра, мы все исправим”, есть и такой вариант, в ней нет ни тени озорного ресентимента в духе “можем повторить”. Это точно не угроза; скорее обещание — в обмен на возможность верить. Что в его гибели был какой-то смысл, что он не “разбился” — случайно, как хрустальный фужер, а “уплыл”, в неизведанное враждебное пространство; как Клуни в “Гравитации”.

Что касается нашего интуитивного — не зависящего ни от пропаганды, ни от интернет-“отзывов” — представления о том, что за человек был первый космонавт, то оно, скорее всего, основывается на таком явлении, как “улыбка Гагарина”. Улыбка, знак не то открытости, искренности и дружелюбия, не то гибридной агрессии*, была его визитной карточкой: “солнечный парень”^[2] / “космонавт, который не смог перестать улыбаться”^[11]. Однако правда ли, что Гагарин и пресловутая “улыбка Гагарина” — одно и то же? По сути, это явление, давно уже существующее и функционирующее отдельно от него — того же рода, что “улыбка Чеширского кота”, “улыбка Джоконды” или “улыбка Джокера”.

Кто на самом деле был этот наш “простой карандаш”?

Тайный честолюбец, упивавшийся мечтами о первенстве во всем, советский Жюльен Сорель, сконцентрировавшийся на достижении общественного положения — и, за счет колоссальных энергетических затрат, добившийся чаемого?

Или, возможно, руссоистский тип — естественное, не испорченное книжной культурой существо; ладный да складный, фото- и телегеничный, однако посредственно образованный и вообще не семи пядей во лбу пацан, у которого, пожалуй, лучше, чем у прочих, получалось

* Если верить толкованию современного исследователя, гэдээровские избиратели воспринимали улыбку человека, явившегося к ним из космоса (речь идет о гагаринско-терешковском “Йури-Валйя-Фройндшафт”-туре в ГДР на выборы в 1963-м — агитировать за “наш” “Национальный фронт”), как подобие рентгеновского луча, который проникает в их “политическое мнение” — и делает их тела прозрачными для контроля со стороны “Национального фронта”. Те, кто не выберет “Национальный фронт”, по сути, откажутся от дружбы Юрия — что просто нелегально, поскольку приведет их к тотальной десоциализации^[15]. Фигура Гагарина как “улыбающегося Друга” выглядит в этом контексте крайне злободневной. И, если уж на то пошло, фраза Терешковой, которая находилась в Карл-Маркс-Штадте, в адрес Гагарина, который был в Эрфурте, по телемосту — “Товарищ Гагарин, почему не улыбаетесь?” — звучит вовсе не как шутка, а как окрик: “Оружие, к бою!”

скалить зубы, когда ему показывают глобус без Америки^[13], да по-деревенски аплодировать в ответ на аплодисменты; иными словами, “такой себе один из Шариковых этого мира — дворняга”^[3]?

Или же правильнее будет отнести Гагарина к типу, описанному Толстым: “каратаевскому”, “олицетворению всего русского, доброго, круглого...”^[4]; воспринимать его как “народного философа”, чья жизненная стратегия может быть передана формулой “не нашим умом, а божьим судом”? И раз так, не есть ли жизнь Гагарина просто уникальное приключение одной из составляющих земной глобус капель, приснившихся Пьеру Безухову, — капли, которая не просто вышла на поверхность, чтобы разлиться там пошире и в наибольшем размере отразить Бога, но вдруг, вопреки законам гравитации и божественного круговращения, в стремлении максимально приблизиться к свету, нашла в себе силы выпрыгнуть на полтора часа из этого живого глобуса — и затем, отразив Его в большей мере, чем любое из когда-либо живших на Земле существ, опять вернулась, слилась со всеми и, как все, устремилась, когда пришло время, к центру?

Или же ключ к Гагарину — его военная форма: кшатрийская натура*, человек длинной воли — происходящий из самых низов, родившийся в темном углу истории — и сумевший, за счет феноменально сильного, величественного характера, преодолеть судьбу, намотать кишки истории себе на запястье?

Или же он был чрезвычайно, что называется, юркий, предприимчивый тип, продавец от бога, с развитыми гораздо выше среднего коммуникативными способностями, виртуозно пользовавшийся своей обаятельной улыбкой — а когда надо, так и пачкой собственных фотографий, которые носил во внутреннем кармане кителя и подмахивал заливчатскими автографами — вроде “И на Марсе будут яблони цвести... Ю. Г.”; тип по сути совершенно не творческий, но относящийся, по классификации Гладуэлла^[5], к “объединителям”: разносчик социальных вирусов, спровоцировавший в обществе эпидемию энтузиазма?

Что вообще у него было в голове? Почему, при росте 165, единственный спорт, который он с упорством осваивал на протяжении всей жизни, был баскетбол?***

* Кшатрии — каста воинов в Индии; люди, у которых импульс мужества превышает чувство самосохранения. — *Прим. ред.*

** Из рассекреченного в 2022 году личного дела Гагарина стало известно, что уже к середине 1950-х у него был не только второй спортивный разряд, но и первая судейская категория.

Почему некоторые близкие знакомые описывали его вовсе не как жизнерадостного сангвиника, а скорее меланхолика, чуть ли не Пьеро — ценившего поэзию, тишину и философию?

Как он умудрился убедить начальство усадить в “Восток” именно себя — если за месяц до 12 апреля у него случился гнойный гайморит, который лечили антибиотиками, с проколами и пункциями^[14]?

Что означает странный эпизод с “ташкентским ужасом” — когда в 1963-м, на “слете молодых тружеников”, Гагарин лег спать в темной комнате и проснулся от того, что на него спикировали сотни летучих мышей, которые вцеплялись в его простыню, в волосы, в тело; напуганный, голый, он стал орать, выскочил за дверь — и попытался рассказать друзьям о тьме жутких тварей, атаковавших его. Но комната была плотно заперта, какие еще мыши? “Простой советский парень”, говорите? “Везунчик”? Мистер “Банк-Ошибся-В-Вашу-Пользу”? Не обошелся ли ему полет чуть дороже, чем он сам потом рассказывал, не был ли этот момент экзистенциального ужаса рентгеновским снимком его души, атакованной демонами?

Памятник явно пора отчистить — а заодно показать, что у истукана был оригинал — который, похоже, существенно отличался от монументального образа.

Но с какой стати нам проявлять интерес к его биографии? Какой урок можно извлечь из нее? Какую такую идею за ней увидеть? Не идем ли мы на поводу у большинства, не становимся ли жертвами магии больших чисел — раз ему аплодировали миллионы людей, значит, он в самом деле был уникальной личностью?

Или грубее: если некий объект пользуется несомненным рыночным спросом — значит ли это, что он в самом деле обладает некой художественной (в данном случае — *sub specie aeternitatis**) ценностью? Или Гагарин как самостоятельная биографическая единица — то же, что херстовское чучело акулы за 12 миллионов долларов: курьез на вид и мошенничество по сути?

Ну да, он первым побывал там, куда никто не совал нос, и углядел там нечто такое, что никто до него не видывал, — нечто, предположительно, очень важное. Однако очевидно ведь, что “первый” и “лучший” совершенно не одно и то же. Владимир Джанибеков, вручную, без

* С точки зрения вечности (*лат.*). — *Прим. ред.*

подсказок пристыковавший корабль к мертвой, неуправляемой станции “Салют-7”, был безусловно более искусным пилотом, чем Гагарин. Инженер-конструктор Константин Феоктистов был гораздо более компетентным в том, что касается устройства корабля, его возможностей и ограничений. Валерий Поляков, просидевший в космосе 437 суток безвылазно, был более выносливым, работоспособным и самоотверженным, и вообще такого рода пребывание на орбите в качестве подвига выглядит гораздо более внушительно, чем полуторачасовой пикник. Совершавшие суборбитальные полеты летчики-испытатели, вроде друзей Гагарина — Мосолова, Гарнаева, Ю. Быкова, Гридунова, были более квалифицированными — и, наверное, еще более смелыми, чем Гагарин, авиаторами. Да чего уж далеко ходить: все гагаринские рекорды были меньше чем через полгода вчистую побиты его собственным дублером Титовым — который летал дольше, дальше, опаснее; и именно Титов, а не Гагарин “был первым, кто доказал, что в космосе можно работать”^[7] и что у пилотируемой космонавтики больше перспектив, чем у автоматической.

Правда ли, что нам нужно иметь представление о биографии человека, который, формально, всего лишь дал согласие — осознанно оценив риски, зная об ожидающем его вознаграждении, взвесив все за и против, без какого-либо принуждения, — проверить на себе созданную кем-то еще технологию? Мало ли что на ком испытывали. Почему бы нам не написать биографию человека, на котором тестировали пенициллин, или — еще более уместный пример — жизнеописание пилота Гарольда Грэма, который 20 апреля 1961 года, буквально через неделю после полета Гагарина, успешно испытал на себе ранец с ракетным двигателем: взлетел на высоту примерно 1,2 метра и плавно полетел вперед. Весь полет продолжался 13 секунд — но был чрезвычайно рискованным предприятием и выглядел даже более эффектно, чем полет “Востока-1”: Гарри Поттер, волшебство в чистом виде. В чем разница между Гагариным и Грэмом?

Почему один останется курьезом из Википедии, а другой — неиссякающим источником магнетизма?

Только в эмоциях. Про одного мы всего лишь знаем, в другого — еще и верим.

Не случайно провинциальные музеи, посвященные Гагарину, производят впечатление индуистских святилищ: самодельные, потертые, пестрые, намоленные; тот, кто воплотил в себе триумф технологий,

репрезентируется здесь через пожелтевшие вырезки из газет, скульптуры из пластилина, пластиковые цветы и акварельки в барочных рамах.

Выглядит неправдоподобно — но мы все равно верим.

Почему?

Потому что нациям тоже нужна хорошая, успешная кредитная история, и нам так выгоднее — верить, что Гагарин правда сделал: сам, что-то особенное; но в душе мы вроде как знаем, что он был никто, “пассажир”, “живые консервы” — и, если бы к сиденью в “Востоке” пристегнули еще кого-нибудь, мировая история не изменилась бы ни на йоту? Так? Как, то есть, с Дедом Морозом: и родители, и дети делают вид, будто верят в него, и это продолжается год за годом — всем выгодно, все довольны?^[16] Так? В глаза смотреть!

Однако даже и “мы” — которые “все” и которые “все вроде как” — при ближайшем рассмотрении оказываются антагонистами.

Некоторые “мы” отказываются соблюдать неписанный социальный контракт о вере в Гагарина. Фигура первого космонавта для них — род тоталитарного китча, образец плохого советского дизайна — такого плохого, что, пожалуй, уже даже и хорошего. Помимо презрения — “полезный идиот”, сначала позволивший советской власти экспериментировать над собой, как той вздумается, а затем превратившийся в говорящую куклу, которая по бумажке тараторит клишированную галиматью, — Гагарин вызывает у них и раздражение: не просто со-трудничал, но еще и способствовал оболваниванию людей и, косвенным образом, укреплению кровавого коммунистического режима. Все эти “советские” достижения — в любом случае зло, потому что запускать в космос начиненные электроникой корабли, не обеспечив прежде население детским питанием и обувью, — аморально; зло — да еще и туфта, потому что все равно у американцев выйдет лучше, и вообще что такое Гагарин со своими жалкими полутора часами орбитального полета против Нила Армстронга, прогулявшегося по Луне.

Ну да: кому нужен простой карандаш, когда есть ручка за 18 миллионов долларов.

Для тех “мы”, кто соблюдает контракт, но делает это “по расчету”, рассуждая не как обыватель, а как носитель “исторического” сознания, Гагарин — фигура, являющаяся моральным оправданием

и свидетельством исторической целесообразности советского — да, крайне бесчеловечного в практическом воплощении — утопического проекта. Присказка “Зато мы делаем ракеты” — это ведь не только про бахвальство: именно ВПК — да, раздутый, да, высасывавший дефицитные ресурсы, да, душивший рост потребления — обеспечивал огромному количеству людей рабочие места, зарплату и социальные блага. Оправданием, а еще подтверждением если не “нормальности”, то естественности “советского проекта” — раз уж тот оказался в состоянии дать здоровое потомство; в том, что Гагарин — с его очевидно “здоровыми” — прямо-таки рифеншталевскими — генами полностью подходит под это определение, никто не сомневается; кушай кашку, будь здоров, как Гагарин и Титов — ну, вы помните.

Наконец, для тех “мы”, для которых самое ценное — романтическая эмоция, Гагарин — ангел, позволивший человечеству пережить прекрасное мгновение — когда все вдруг стали думать не о деньгах и карьере, а о звездах и о космосе как потенциальном рае; воплощение *glamour of space** — и одновременно синтеза Человека, Машины и Государства; икона, короче говоря, — тем более абсолютная в эпоху, когда космос стал гораздо более недостижимым, чем это казалось в шестидесятые; какие там каникулы на Луне, какие там яблони на Марсе, какое там Великое Кольцо^[6]; хорошо если за весь ХХI век кто-то осуществит то, что планировалось Королевым сделать году к 1975-му**.

* Магия космоса (англ.). — Прим. ред.

** Химически чистый образец раннего “диссидентского” нарратива находим, например, в дневниках литературоведа Р. Г. Назирова — в частности, в записи за 1963 год. “Космонавт № 1 — негодяй. Юрий Гагарин — пьяница, болтун, хвостун и бабник. Хотя жена бьет его, он все же не пропускает ни одной хорошенькой девушки. Бровь ему рассекли в пьяной драке из-за женщины. Но все это ерунда, а главное он — доносчик, подлец с политическим оттенком. Он служил в северной авиации: ночные полеты, вьюги, метели, очень часто люди гибнут. Он сказал друзьям, когда в авиации начали набирать космонавтов: «Не все равно, где погибать? Там хоть со слабой погибнешь!» И подал заявление. С первого же момента он начал пробиваться, делать карьеру. Во что бы то ни стало он решил полететь первым и не стеснялся в средствах. Всех соперников он убрал с дороги посредством доносов. И полетел первым. В среде космонавтов его не любят”^[10].

Как формировалась “романтическая” версия истории Гагарина, можно понять по байке, которую рассказал автору австрийский писатель и политический активист Вальтер Фамлер: “В детстве у меня была куча игрушечных жестяных

Даже простой карандаш, как видите, на поверку может оказаться чрезвычайно сложным предметом.

Очень-очень простой очень-очень сложный карандаш.

Был такой американский экономист и политик Леонард Рид; иногда он обращался к литературному творчеству и однажды сочинил знаменитое эссе, которое называлось “Я, Карандаш”^[8]. Написанное от имени карандаша (“Я — графитовый карандаш. Обыкновенный деревянный карандаш, меня знают все мальчики, девочки и взрослые — кто умеет читать и писать”), оно стало классикой потому, что в нем иллюстрируется идея пользы, которую приносит обществу работа “невидимой руки рынка”. Мы, однако, вспомнили его совсем по другому поводу. До того как сделать свои либертарианские выводы, Рид показывает, что простой карандаш только кажется простым, а на самом деле достоин восхищения и благоговения; он скрывает в себе важную тайну и, если проследить его генеалогию, может преподать нам серьезный урок.

“Простой, говорите? Но только вот ни одна душа на всем белом свете не знает, как меня делают. Фантастика, вам не кажется? Особенно когда понимаешь, что в мире ежегодно выпускают несколько миллиардов нашего брата. Возьмите меня в руки, рассмотрите хорошенько. Что вы видите? Ничего особенного: немного дерева, лак, маркировка, графитовый стержень, чуть-чуть металла и ластик”. Далее Рид детально отслеживает процесс производства простого карандаша. Он объясняет, что прежде всего нужно спилить дерево и доставить его на фабрику — а для этого сначала требуется сделать пилу и грузовики.

“Подумайте, сколько людей, представляющих бесчисленное множество разных профессий, задействовано в этом процессе! Представьте

насовских ракет; японский электрический космический корабль с американским гербом и надписью «U.S.A.F. — GEMINI X5» до сих пор стоит у меня на полке. А еще я помню, как отец разбудил нас, детей, ночью, когда происходила высадка на Луну — не пропускать же это «всемирно-историческое» событие. И мы, сонные, стали смотреть его по черно-белому телевизору. Когда «Аполлон» наконец прилунился и Нил Армстронг сделал первые шаги, мой отец выдернул штекер из розетки и сказал: «Ну вот что, ребята. Похоже, американцы таки высадились на Луну, но я вам должен сказать одну важную вещь: первый человек в космосе был советско-русский — и звали его Юрий Гагарин». И вот этот урок я запомнил на всю жизнь”.

себе, как добывали руду, как выплавляли сталь и превращали ее в пилы, топоры, моторы... представьте себе поселения лесорубов, их спальни и... столовые, а еще — готовку и то, откуда взялись продукты...” И ведь добыча дерева — только начало процесса, дальше будут лесопильный завод, сушильные печи, краска, лак, графит, глина, связующие вещества...

“В моем создании участвовали миллионы людей, и мало кто из них о чем-либо подозревал”. Каждый, от цейлонского шахтера, добывшего графит для производства грифеля, до президента карандашной фабрики, вложил в производство простого карандаша крошечную толику своего знания, использовал свое ноу-хау.

Таким образом, чтобы создать обыкновенный простой карандаш, нужно, чтобы объединились в одно целое созидательные импульсы миллионов людей, чтобы “миллионы ноу-хау” смогли взаимодействовать между собой.

Мы привыкли к “простому советскому парню” Гагарину и воспринимаем его примерно так же, как простой карандаш — нечто банальное, само собой разумеющееся, оказавшееся нашим, в общем, случайно, по счастливому стечению обстоятельств.

Мы бы хотели показать в своей книге, что это заблуждение.

Гагарин — “такой простой на вид” — был невероятно сложным продуктом кооперации миллионов волей и миллионов знаний, которые таинственным образом вступили в творческое и производственное взаимодействие; его биография — это миллионы биографий, сложившихся в одно целое; узнав об обстоятельствах его жизни, мы сможем многое понять о свойствах и амбициях, мечтах и надеждах целого народа, который, в силу каких-то причин, на протяжении некоторого времени вел себя в экономическом смысле иррационально, очевидно, в ущерб своим имущественным интересам; который стремился не к адам-смитовскому “богатству”, благосостоянию, а к тому, чтобы выполнить некую более значительную миссию — сыграть ключевую роль в мировой истории и решить задачу преодоления смерти^[9]; ради этого они, миллионы волей, объединили свои усилия — и добились своего: произвели этот “простой карандаш”.

Гагарина.

Он “наш” — не только в смысле “один из нас”, “свой” и “такой же, как мы”.

Он “принадлежит нам” — и сам факт коллективного владения этим простым карандашом накладывает отпечаток на самоидентификацию хозяев и их социальные практики.

Из случайно оказавшихся рядом “соседей по участку” они превращаются в “воображаемое сообщество” людей, которые совместно распоряжаются процентами с доставшегося им символического капитала — и доверяют друг другу воспитывать детей так, чтобы, прежде чем повзрослеть и стать “нормальными”, те обязательно успели услышать рассказ про простой карандаш.

Простой карандаш, которым были размечены контуры рисунка будущего — яркого, переливающегося всеми цветами радуги.

Простой карандаш, которым русские навсегда вписали себя в историю человечества — и черкнули себе на добрую долгую заветное словцо, по которому свои узнают своих.

Простой карандаш, который слишком быстро выскользнул из рук и улетел куда-то; безвозвратно.

И ничего в истории этого карандаша не было случайным.

STARRING / В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ

Если бы биографы покупали себе героев на аукционах, как великие произведения искусства, то лот “Гагарин” выставился бы в самой высшей ценовой категории — как Леонардо да Винчи, Ван Гог или Фрэнсис Бэкон на Sotheby’s. В жизни Гагарина есть все, чтобы растрогать даже самого переборчивого хроникера: приключения, странные знакомства, феноменальный карьерный взлет, неразрешенная загадка; соответствие архетипическим фольклорным сюжетам — плюс то, что у Шукшина называлось “некий такой забег в ширину”. Источниковая база кажется неисчерпаемой. Гагарин позиционировался как идеальный гражданин СССР — поэтому неудивительно, что советская власть всячески стимулировала сослуживцев, учителей, друзей и родственников Гагарина сочинять и публиковать мемуары. В одной только гагаринской семье оказалось четверо писателей: сам Юрий Алексеевич, издавший автобиографию — и международный бестселлер — “Дорога в космос”, его жена, мать и брат. Словно всего этого недостаточно, на протяжении десятилетий центральная и местная пресса СССР и затем России рыскала в поисках любого мало-мальски неизвестного эпизода из жизни первого космонавта. Тем страннее, что итоговой, закрывающей тему книги после крушения СССР так и не появилось; никто так и не “соединил точки”, не систематизировал набравшиеся за эти годы информационные накопления — и это при том, что, судя

по соцопросам, Гагарин является самой привлекательной личностью если не за всю историю России, то уж точно за XX век.

Удивительно даже не то, какой колоссальной славы сподобился сам Гагарин — в конце концов, первый человек в космосе, почему нет. Удивительно, сколько людей — у которых, не будь Гагарина, никогда не было бы шанса оказаться интересными для СМИ, медийного, так сказать, пролетариата — получили свои 15 минут славы. Чтобы гарантированно попасть в газету, вовсе не обязательно иметь в активе родство или дружбу с Гагариным. Полученный с бухты-барахты автограф, история о том, как вы увидели его выступающим с трибуны, случайная встреча на улице — даже более полувека спустя такой мелочи достаточно, чтобы вы стали ньюсмейкером. Все, что имеет к Гагарину отношение, по-прежнему важно для общества — и поэтому до сих пор ликвидно.

По существу, с Гагариным связан не только полет в космос, но еще и настоящая информационная революция — благодаря ему в СМИ выплеснулось гигантское количество народных голосов: мы видели, мы дотрагивались, мы имели отношение — и теперь свидетельствуем. В этом тоже следует искать корни обожествления Гагарина, почитания его в качестве святого: он дал массам не только осуществившуюся мечту, но и голос. Все эти воспоминания — своего рода коллективное евангелие.

Помимо неквалифицированных синоптиков* Гагариным занимались многие профессиональные, абсолютно не халтурные, любившие своего “клиента” биографы — Лидия Обухова, Ярослав Голованов, Татьяна Копылова, Владислав Кац, Олег Куденко, Николай Варваров; и было бы неуважением к их труду, к их полевым исследованиям, сделать вид, что их не существовало, или все время пересказывать их “близко к тексту” — притом что, по большей части, это тексты, не нуждающиеся в редакции. Да, очень многие из этих биографий, в силу обстоятельств эпохи, были подогнаны под известный идеологический шаблон и агиографический канон, да, они во многом состоят из меуаров школьных учительниц, которые в ответ на просьбу вспомнить что-нибудь пикантное, краснея от собственной смелости, припоминали, что на уроках Юра пускал самолетики, а иногда — слишком громко играл на трубе; тем не менее если состыковать разнотипные,

* Здесь в смысле — очевидцев (синоптиками называют первых трех евангелистов — Марка, Матфея, Луку — кто воочию видел Христа). — *Прим. ред.*

вступающие между собой в диалог свидетельства, то событийная матрица все равно прояснится.

В нашей книге много цитат “из народа” — голосов поварих, бильярдистов, офицерских жен, всех тех, кто охотно идет на контакт и искренне пытается припомнить все что можно; проблема — и обратная сторона медали — состоит в том, что главные действующие лица, в общем, так и не заговорили. Молчала до самой своей кончины в марте 2020-го вдова, Валентина Ивановна Гагарина, — и в советские времена по мере возможности избегавшая медийности, а затем, в начале перестройки, окончательно захлопнувшаяся, как моллюск в раковине, — по-видимому, крайне недовольная тем, как ее показали в фильме “Гагарин, я вас любила” (1991). Показали плохо, некорректно; похоже, создатели фильма втерлись к ней в доверие, а затем, что называется, “кинули втемную”; мужу бы это не понравилось. Кстати, в фильме видно, что в гагаринской квартире живет попугай — на вид вполне себе говорящий — по имени Лора. Возможно, он и есть идеальный свидетель, который мог бы рассказать о своем хозяине всю правду. В любом случае, проинтервьюировать Лору было проще, чем вдову Гагарина.

И ладно бы только вдова. Сразу стало ясно, что те (не очень многие уже), кто имел отношение к космосу и знал Гагарина лично, не горят желанием давать материал биографу. И дело даже не в том, что информаторы еще 50 с лишком лет назад поняли, что знать, думать — да хотя бы и рассказывать под рюмочку — про космическую программу СССР и Гагарина можно все что угодно, но когда включается диктофон, следует оперировать четко ограниченным набором мнений и эпизодов; тем мемуаристам, которые вздумают отступить от официальной версии, грозит остракизм, отлучение от корпорации.

Другая проблема состоит в том, что количество неумерших людей, сколько-нибудь плотно общавшихся с Гагариным, довольно невелико, и если они в принципе готовы были беседовать с прессой, то они уже рассказали то, что можно, раз по пятьсот: очень немногое. Несмотря на внешнюю открытость, так и не заговорил, в общем-то, Алексей Архипович Леонов (1934–2019). Бессовестным образом так и не рассказал ничего внятного — и не оставил мемуаров — Герман Степанович Титов (1935–2000). Первый отряд космонавтов был закрытый клуб; даже если они и знали или знают что-то о Гагарине, то никому из них нет смысла говорить о национальной иконе что-либо, что выходит за пределы официального канона.

Единственной по-настоящему крупной утечкой, своего рода околокосмическим WikiLeaks, был “Скрытый космос” — опубликованные в 1990-е дневники начальника космонавтов генерала Николая Каманина*. Но тому нечего было терять, да и утечка была, в сущности,

* Генерал Николай Петрович Каманин (1908–1982; летчик, спасатель челюскинцев, Герой Советского Союза № 2, во время ВОВ командовал авиакорпусом) — очень важная во многих отношениях фигура. В 1960 году его назначили помощником главнокомандующего ВВС по космосу — и с тех пор он стал высшей инстанцией для всех космонавтов вообще и Гагарина в частности. Каманин не просто командовал Гагариным, был его надсмотрщиком; он был его персональным медиатехнологом, воспринимал как свой проект; он отвечал за формирование канона литературы о первом космонавте; он был фильтром, через который просачивались сведения (все биографы, работавшие над прижизненными описаниями Гагарина, вынуждены были прибегать к каманинскому посредничеству, получать его визу — и кого-то он допускал, а кого-то нет; если вы были журналистом, то не могли опубликовать интервью с Гагариным, не прошедшее через Каманина; сам Гагарин следил за этим очень строго) — и сам практиковал литературные опыты, много публиковался; причем оказался не просто хроникером, но и небезаламанным литератором; видно, что у него сильная рука. Ему хорошо дается речь от первого лица — его, каманинское, “я” редко можно перепутать с чьим-либо; оно узнается, даже если текст не подписан. Особенно хорошо ему удавались торжественные, высокопарные фразы: “Пройдут века, человечество прочно обживет околосолнечное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — первооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. Это пишу я, хотя мне лучше других известно, что Гагарин — это только счастливая случайность, на его месте мог быть и другой”. В 1990-е выяснилось, что на протяжении многих лет Каманин, пользуясь своим неприкосновенным статусом, вел откровенные дневники — где описывал события, не попадавшие в газеты, критиковал вышестоящие органы и высказывал свои соображения, часто противоречащие общепринятым в ту эпоху. Космонавты знали про то, что их “дядька” — воплощавший для них образ мудрого учителя; кто-то вроде магистра Йоды (и тоже склонного выражаться не без поэтичности) — ведет дневники, однако вряд ли предполагали, до какой степени подробно он фиксировал особенности их поведения; в свое время публикация этих записей произвела фурор.

Дневники Каманина выглядят как очень убедительный источник сведений о Гагарины; они оставляют благоприятное впечатление об их авторе, который кажется человеком адекватным, умным, честным — уж точно не каким-нибудь сумасбродным геронтократором, какими показывают советских генералов в фильмах о Джеймсе Бонде. Особенно трогает, что к Гагарины, своему воспитаннику, он относится с должной строгостью — но и едва ли не по-отцовски; словом, трудно не соблазниться этими дневниками. Между тем многие, признавая ум Каманина, отзываются о его достоинствах весьма сдержанно. Журналист Я. Голованов характеризует Каманина как сталиниста, упивавшегося своей властью над космонавтами и безнаказанностью

дозированной — подчеркивающей то значение воспитательной работы, которую приходилось проводить ему, инструктору отряда. Так или иначе, это главный источник сведений о последней трети жизни Гагарина; тогда как тем, кто захочет понять, что такое советский космос, его идею и то, как она реализовывалась, мы советуем прочесть книгу Я. Голованова “Королев: Факты и мифы”. Эти два источника — аналоги Юпитера и Сатурна в Солнечной системе; по своей массе они гораздо значительнее массы всех прочих планет; мы цитируем их чаще прочих.

Чтобы свести “кражу голосов” к минимуму и избавить эту книгу от почему-то не запрещенных для биографов шарлатанских реконструкций вроде “ему показалось”, “улыбнулся про себя” и, по возможности,

(по мемуарам так не скажешь). “Не могу вспомнить, чтобы он разговаривал с ними весело или просто приветливо. Он был неизменно строг и заранее уже чем-то, что еще не произошло, недоволен. Лицо Николая Петровича было непроницаемо, он владел некой истиной, лишь ему доступной, которую они не узнают никогда — просто ввиду своего ничтожества”; “Думаю, что большинство космонавтов тоже не любили его. Некоторые доверительно говорили мне об этом еще в 60-х годах. Сначала они по-юношески просто трепетали перед ним — перед Звездой № 2, перед генеральскими погонами. А потом ясно почувствовали его тяжелую руку: Каманин крепко держал их в кулаке строжайшей дисциплины, беспрекословного послушания и той унижающей всякого — тем более молодого и незаурядного — человека обезлички, которую он упорно насаждал в отряде первых космонавтов. Ему льстило, что эти всемирно известные люди слушаются его, как новобранцы ефрейтора. Еще легче было управлять теми, кто только готовился к полету. Ведь в первую очередь именно от Каманина зависело, кто полетит, с кем, когда, по какой программе. Будущие космонавты часто вообще этого не знали или знали в общих чертах, понаслышке. Все это создавало атмосферу неопределенности, зыбкости, неуверенности в завтрашнем дне. Поэтому Каманина боялись, но не любили. Добиться соединения страха и любви, как это сделал его кумир Сталин, Николай Петрович не сумел”. Любили не любили — дело десятое; фундаментальный вопрос, связанный с Каманиным, звучит так: насколько можно доверять этим дневникам? Вряд ли Каманин что-либо выдумывает — не того масштаба человек; но Каманин склонен редактировать случившееся, опускать детали. Насколько он редактировал собственно хронику и “улучшал” ее своими соображениями задним числом? Головановское сомнение — “У меня несколько настороженное отношение к дневникам Каманина: дневники так не пишутся” — звучит достаточно резонно: слишком уж монументально выглядят многие записи. Наконец, последний — но тоже существенный вопрос: насколько можно доверять даже не абстрактным “дневникам”, а именно тексту, который в начале 1990-х был опубликован сыном Каманина Л. Н. Каманиным под заголовком “Скрытый космос”?

от лишних, заведомо пустых ремарок типа “он вспоминал, как”, мы решили сфокусироваться прежде всего на свидетельских показаниях. Жизнь, однако, есть жизнь, до правды, бывает, приходится доискиваться, одни свидетели более надежны, другие менее; поэтому в нескольких главах этой книги мы намеренно сводили “голоса” таким образом, чтобы они иногда вступали в конфликт друг с другом, “спорили” — и монтажный коллаж превращался в некое подобие полифонического “радиоспектакля”. Пусть читатель слушает, слышит — и сам догадывается, кто врет, а кто нет. А потом — даже вранье оказывается не просто нерелевантной информацией, а тоже свидетельством — о сознании и тембре голоса людей соответствующей эпохи. Ненадежные рассказчики — головная боль для историка; у биографа в этом смысле есть шанс “уронить противника”, сделать из проблемы — преимущество.

Когда нам кажется, что читателю имеет смысл знать, откуда именно взят фрагмент, — мы, наряду с цифровым кодом (цифра в скобках), отсылающим к “Индексу источников” в конце книги, оставляем и имя автора и/или название источника; в случае, когда личность говорящего очевидна по самому характеру цитаты или когда точная идентификация голоса в данный момент необязательна, мы оставляем только цифровой код, который читатель может легко расшифровать, открыв “Источники”.

ГЛАВА I

КЛУШ

Фраза “Гагарин родом из Клушина” обычно подразумевает намерение говорящего подчеркнуть эффектный контраст — человек, которому суждено было покорить космос, родился в невероятной дыре; преподаватель Гагарина в Академии Жуковского С. Белоцерковский так и пишет: “В глухой деревне Клушино”^[10]. Меж тем из того факта, что профессор впервые узнал о Клушине из газет в 1961 году, не следует, что если бы не Гагарин, то никто никогда о существовании этого медвежьего угла и не услышал. Какой уж там медвежий угол.

Именно там, ровно в том месте, откуда родом Гагарин, за триста с лишним лет до его появления на свет произошло событие*, которое фактически привело в какой-то момент к ликвидации российской государственности: здесь была разгромлена огромная русская армия под командованием Дмитрия Шуйского — и, что хуже, разгромлена находившимся в абсолютном меньшинстве отрядом поляков. “Клушинскую битву 24 июня 1610 года до сих пор в польских учебниках истории считают одним из самых великих сражений. Ее трофеем — «хоругвь самого Шуйского, весьма отличную, штофную с золотом» и сегодня показывают школьникам в национальном Краковском музее князей Чарторыхских”^[9]. Да что там хоругвь: в июне 2010 года Национальный

* Впервые внимание автора привлек к нему Л. А. Юзефович.

банк Польши выпустил три монеты серии “Великие битвы”: две были посвящены Грюнвальдской битве и одна — деревне Клушино. “В русских анналах эта забытая битва потерялась или была вытеснена другими поражениями и потрясениями, которые произойдут следом. Но истоки последовавшего междуцарствия, конечно, лежали у этого можайского селения”^[9].

Собственно, именно вследствие этого разгромного поражения на своем поле перестала существовать русская армия, был низложен царь Василий Шуйский — и царем стал поляк; западная часть России в целом и Москва в частности были оккупированы польскими войсками. То, что Гагарин — клушинский, уже само по себе курьез: примерно то же самое, как если бы какой-нибудь великий татарин родился на Куликовом поле или француз — в Ватерлоо.

Интересно, спрашивал ли его кто-нибудь о Клушине — “то самое, да?”, — когда он приезжал с визитом в Польшу? Единственное, что мы знаем, из английских, правда, газет, — это что Польша, несмотря на свой статус сателлита СССР, была одной из тех стран, где Гагарина принимали весьма прохладно.

В плане географии Гагарину досталась сложная территория происхождения — из тех, что совершенно точно детерминируют судьбы оказавшихся ее заложниками жителей. Поляки, французы, немцы — все, кто имел счастье или неосторожность сунуться в Россию с Запада, неминуемо вынуждены были прокомпостировать путевой лист в Клушине.

Это была часто выжигаемая, опустошаемая территория, на которой отсутствовала традиция долгого наследования имущества; почти каждому поколению приходилось начинать практически с нуля — и, можно предположить, у жителей выработался коллективный психологический иммунитет против нашествий чужаков, сформировался особый тип сознания. Было бы шарлатанством пытаться вывести из этих догадок некий особый “психотип” Гагарина — однако наверняка связанные с этими серийными оккупациями стратегии выживания так или иначе откладывались в его “генах” — и рано или поздно реализовались в определенных практиках.

Несмотря на соблазн связать название малой родины космонавта с двуного-крылатым словом “клуша” (чайка/галка; курица-наседка и/или плохо одетая женщина; от звукоподражания — “клоктать”,

“кудахтать”), гагариноведы с докторской степенью по части этимологии утверждают, что имя селу дал некогда проживавший там боярин Клуш. Из прочих сведений краеведческого характера Клушино было известно как “место суда и расправы над боярскими холопами”, а уже в бытность автора, более ста лет назад, то место было “любимо народом при сборищах”. “В горе, близ деревни Мясоедово, что в 3 верстах от Клушина, были рудники и чеканилась монета”, а на север от села <...> проживал татарский сборщик дани, прозываемый в народе “ярыжкой”^[14]. “Клушинский приход вообще бедный, <...> крестьяне живут большей частью земледелием и бурлачеством, избытка земли и хлеба нет”^[12].

Одним из факторов в пользу выбора космонавтом № 1 Гагарина^[33], а не Титова было то, что Титов с Алтая, то есть с колонизированных земель, тогда как Гагарин — из-под Смоленска, с исконно русских, — то есть находящихся в сфере досягаемости Кремля в дожелезнодорожную эпоху. От Клушина до этого самого Кремля — 180 примерно километров строго на запад; по дороге нужно проехать исток Москвы-реки и реки со странными названиями Гжать и Мжуть; сам Гагарин, по свидетельствам очевидцев, когда дорога позволяла, закидывал на своей “матре” стрелку спидометра за отметку 200 и покрывал это расстояние за два часа.

В “предгагаринскую” эпоху Клушино — не то чтобы крохотное, домов на, до войны, двести — село, с XIX века волостной центр, со своей церковью и приходской школой. По общему мнению, расположено в живописном месте и производит приятное визуальное впечатление не в последнюю очередь благодаря ландшафтному разнообразию (бугор). Церковь, где крестили Юрия Алексеевича, не сохранилась. Оборудованный садом и огородом “Дом-музей детских лет Ю. А. Гагарина” — даром что реконструкция (оригинал стоял “не на кирпичном фундаменте, а на самородных камнях”^[30]), позволяет залетным туристам моментально погрузиться в атмосферу старины; дорога сюда занимает больше времени, чем непосредственно экскурсия: от Дома-музея школьных лет Ю. А. Гагарина в г. Гагарине до “Детских” — 23 километра на автомобиле или три с половиной часа пешком.

Для адептов секты “культурологического краеведения” заметим, что Гагарин родился недалеко от того места, где Пьеру Безухову в “Войне

и мире” (в романе — у деревни Шамшево под Смоленском) приснился знаменитый сон про живой глобус из капель — сон, в котором, при желании, можно разглядеть, среди прочего, зашифрованное символическое описание судьбы Гагарина.

Наконец, помимо пространственных “странных сближений” есть и временные: кто-то очень внимательный подметил, что свой “доклад, посвященный проблемам ракетного полета человека в стратосферу, Королев написал в день рождения Гагарина, 9 марта 1934 года”^[31].

Докопаться до ответа на вопрос, “кто такой Гагарин?”, было в апреле 1961 года делом чести для журналистов всего мира — и наиболее существенные прорывы на этом фронте были сделаны западными газетчиками.

Шведские ежедневные издания уверили своих читателей, что русский космонавт является “по прямой нисходящей линии потомком варяга времен викингов Рюрика, который еще в 862 году прибыл на Ладугу и потомки которого положили в свое время начало царствованию княжеского рода в древнем русском государстве”^[18]. New York News “выяснила”, что Гагарин — не просто “сын скромного русского плотника и продукт советской государственной образовательной системы”, но еще и внук русского князя, капитана царской кавалерии Михаила Гагарина, “который владел большими земельными наделами под Москвой и Смоленском”, а затем, в ноябре 1919 года, был расстрелян большевиками. Почему командование выбрало именно его? Как раз из-за голубой крови: то была форма остракизма, стигматизации и дискриминации: “если бы его постигла неудача, никто не стал бы по нему сучать”. Эксперт, поделившийся с публикой этими соображениями, был “проживающий на Манхэттене Алексис Щербатов, профессор истории в университете Фэрли Дикинсон, Тинек, Нью-Джерси”. “Компетентная организация, специализирующаяся на русской аристократии и генеалогии, проверила эту информацию у секретаря русской делегации в ООН, и секретарь подтвердил, что Щербатов прав”. Тот же Щербатов объяснил, что его тезка Алексис — “отец астронавта — вынужден был спасти свою жизнь бегством на Уральские горы. Там, в Оренберге (sic!), и родился Юрий Гагарин. В 1939 году, сказал Щербатов, отец Юрия исчез” — “в ходе очередной большевистской кампании”^[13].